

УДК 81'1; 821.111

*О.Н. Путина***ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОТВЕТОВ В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ЕДИНСТВЕ**

В статье исследуются функции ответа как компонента вопросно-ответного диалогического единства. Несмотря на многочисленные исследования данной проблемы, не существует единого мнения относительно принципов и критериев классификации ответов в лингвистике. Автор определяет и обобщает возможные подходы к изучению ответов, описывает их связь с вопросами в структуре диалогического единства, рассматривает ответ как лингвистический объект, обладающий большим функциональным потенциалом. Выявлена специфика ответа в контексте, рассмотрены прагматические аспекты функционирования ответа в речи. Типология ответа включает прямой и ассоциативный ответы, умолчание и молчание.

Ключевые слова: ответ, вопрос, диалогическое единство, прямой ответ, ассоциативный ответ, умолчание, молчание, классификация, функция.

Вопрос, ответ и вопросно-ответное единство как явления языка и речи часто являются предметами теоретического исследования. Зарубежные и отечественные лингвисты подходят к изучению вопроса и ответа с разных точек зрения, рассматривая их с позиций теории речевых актов [24; 25], теории диалогической речи [26], лингвистики текста [12], когнитивной лингвистики [23].

Вопрос и ответ являются базовыми компонентами диалогического единства и связаны между собой формально-содержательными отношениями. Диалогическое единство включает стимулирующую и реагирующую реплики, оно обладает коммуникативной целостностью, коммуникативной интенцией, логико-семантической соотнесенностью [6. С. 50]. Вопрос в современной лингвистике исследуется в сопоставлении с ответом, так как в соответствии со своей коммуникативной функцией любой вопрос ориентирован, прежде всего, на ответ как естественную речевую реакцию.

М.М. Бахтин обращает внимание на тот факт, что «... слушающий, воспринимая и понимая значение речи, одновременно занимает по отношению к ней активную ответную позицию» [1. С. 246]. Согласно концепции П.В. Зернецкого, вопрос и ответ относятся к «основным топикальным речевым актам, несущим главную прагмасемантическую информацию в дискурсе». Вопрос «реализуется вопросительной или повелительной формой предложения, целью является запрос информации у слушающего. Адекватная реакция слушающего представлена речевым актом ответ». Ответ, в свою очередь, «... представляет соответствующее вербальное действие, вызываемое предшествующим речевым актом вопрос и реализуется повествовательными или вопросительными формами предложения. Невербальным соответствием данного речевого акта могут служить движения и жесты слушающего, такие, например, как кивок головой, улыбка и др.» [10. С. 90–91].

В.Д. Девкин изучает вопрос в тесной связи с ответом. По его мнению, вопросы «уже содержат в своем составе некоторые элементы ответа и в известной степени подсказывают ответ» [9. С. 97]. У. Леннерт предлагает рассматривать взаимосвязи вопроса и ответа, актуализируемые на трех уровнях: 1) низший уровень (в терминологии ученого), который представляет собой некую разновидность социального взаимодействия между людьми; 2) средний уровень, или способность к общению на естественном языке; 3) высший уровень, на котором вопросы и ответы рассматриваются с позиции их организации в памяти, а также поиска хранящейся в ней информации. Далее вопросно-ответные единства характеризуются как *стандартные и нестандартные* и подразделяются на четыре стандартные комбинации:

1. Справочный вопрос – информативный ответ:
– *Сколько сейчас времени?*
– 3.25.
2. Вопрос-просьба – ответ-действие:
– *Не могли бы Вы передать соль?*
(Соль передается).
3. Любезный вопрос – любезный ответ:
– *Как Вы себя чувствуете?*

– *Спасибо, хорошо.*

4. Стратегический вопрос – стратегический ответ:

– *Кто сказал тебе, что ты можешь войти сюда?*

– *А кто сказал, что я не могу?*

«Когда обмен вопросно-ответными репликами осуществляется при стандартных комбинациях типов вопросов и ответов, диалог воспринимается как типичный и обычный. При нестандартных комбинациях вопросно-ответное взаимодействие воспринимается либо как бессмысленное, либо как неестественное, нарушающее обычный обмен репликами, либо, наконец, как смешанное» [13. С. 260-261]:

1. Справочный ответ – любезный ответ:

– *Как Вы себя чувствуете? (Адресат попал в аварию)*

– *Спасибо, хорошо, а Вы?*

2. Вопрос-просьба – информативный ответ:

– *У Вас есть сдача с доллара?*

– *Да. (Без всякого сопутствующего действия);*

3. Стратегический вопрос – информативный ответ:

– *Как же Вы голосовали за Никсона?*

– *Ну, сначала я внес свое имя в список избирателей, затем я ...;*

4. Любезный вопрос – информативный ответ:

– *Как поживаете?*

– *Ужасно. В прошлом месяце задавили мою собаку, потом...* [13. С. 262].

При исследовании коммуникативных особенностей ответных реплик в составе вопросно-ответных единств выделяют два вида подобных реплик: 1) информативно достаточные; 2) информативно избыточные [22. С. 99]. Однако в действительности может возникать совершенно неожиданный ответ, способный сменить тему разговора и придать ему абсолютно другой характер и направление. Так, Е.В. Вохрышева анализирует как стандартные (типичные), так и нестандартные (нетипичные) виды ответов. Она предлагает следующую классификацию ответов, построенную на степени соответствия содержания ответов характеру вопроса:

1) прямой ответ: ответное высказывание, которое содержит точную информацию в соответствии с семантическим характером запроса;

2) ассоциативный ответ: не имеет ярко выраженной семантической связи с вопросом, основывается на подтексте, аналогии, предыдущем опыте собеседников, в нем запрашиваемая информация содержится имплицитно;

3) уклончивый ответ: является результатом нежелания собеседника отвечать на вопрос или же его стремления сменить тему разговора, в таком ответе отсутствие эксплицитной информации обусловливается не компрессией ответа, а сознательным уклонением от него;

4) отсутствие ответа: один из говорящих ссылается на факт наличия недостаточной информации по данному вопросу или же на полное отсутствие информации. Здесь возможно использование следующих конструкций: *I don't know, I haven't the least idea, I know no more than you* и т. п. Такого рода ответы, как правило, обрывают беседу [7. С. 110-112].

По количественному соотношению выделенных выше видов ответов самыми распространенными являются прямые ответы (60,3 %), вторыми по частотности следуют уклончивые ответы (23,2 %), затем идут ассоциативные ответы (23,2 %). Отсутствие ответа, соответственно, встречается реже (2,8 %) [7. С. 115]. Представленная выше классификация демонстрирует, что ответ действительно связан с вопросом как по форме, так и по содержанию, а исследование одного без другого было бы неполным и, следовательно, нецелесообразным. Тем не менее, принимая во внимание соответствие содержания и формы ответов характеру вопроса, мы полагаем, что можно дополнить и расширить приведенную выше классификацию ответов, включив в нее такие виды как *умолчание (умалчивание)* и *молчание* [3]. В последние годы данные лингвистические феномены привлекают внимание многих ученых [11; 14; 17].

Умолчание интерпретируется как смысловой пропуск, эллипсис, подтекст и т.п., а молчание рассматривается как знак, речевой акт и пауза в общении. Акт молчания – это сложная коммуникативная единица, которая способна выражать самые разные психологические состояния и быть маркером социального статуса субъекта. Более того, коммуникация часто сопровождается коммуникативными неудачами – ошибками, нарушениями, отклонениями, сбоями, недоразумениями, дефектами, конфликтами и т. д., которые возникают в процессе диалогического общения. Коммуникативная неудача

здесь – это «любое непонимание партнерами по коммуникации друг друга, любой нежелательный, эмоциональный эффект, случаи несовпадения коммуникативных намерений говорящего и их прочтения слушающим, отсутствие согласованности между программами партнеров» [18. С. 28–29]. В этом смысле умолчание и, в особенности, молчание как отсутствие вербальной коммуникации вполне могут трактоваться как коммуникативные неудачи.

Мы полагаем, что изучение ответа как составляющей диалогического единства было бы неполным без учёта умолчания и молчания как видов речевого реагирования. Уточненная классификация ответов может быть представлена следующим образом: 1) прямой ответ; 2) ассоциативный ответ; 3) умолчание; 4) молчание. Прямой ответ представляет собой такого рода ответное высказывание, с помощью которого возможно построение акта коммуникации с максимальным соответствием сформулированному «принципу сотрудничества» Г.П. Грайса, заключающемуся в требовании делать свой вклад в общение адекватным принятой цели и направлению разговора образом [8. С. 217–237]. Данный вид ответа, по нашему мнению, содержит именно ту информацию, которая необходима собеседнику.

– *Что означает "хороший бой"? С кем бы вы сами хотели встретиться?*

– *Хороший бой получается тогда, когда у тебя хороший соперник. Я бы хотел встретиться с Флойдом Мейуэзером, Кори Спинксом или Артуро Гатти. Из-за этих трех соперников можно еще продолжить боксерскую карьеру* (из интервью с боксером Константином Цзю // Спорт–Экспресс, 2004 – № 11) [2].

Представляет интерес следующая характеристика прямого ответа: «Прямой ответ на вопрос – это предложение, которое, будь оно истинным, говорит спрашивающему в точности то, что он хотел бы узнать, ни больше, ни меньше» [3. С. 125]. Здесь необходимо отметить, что лингвистическая предсказуемость ответной реплики может рассматриваться как с точки зрения ее формы, то есть, синтаксической структуры, так и с точки зрения семантического наполнения данной структуры. Однако даже в случае достаточной информативности и полной семантической адекватности ответной реплики мы часто наблюдаем ее структурную непредсказуемость, что объясняется, по всей видимости, особенностями диалогического текста и лингвистической экономией: «Эллипсис – одна из самых характерных черт диалогической речи и самый распространенный способ реализации принципа лингвистической экономии, активно действующего в языке и особенно в диалогической речи. Использование наиболее экономных способов коммуникации при сохранении достаточной информативности обусловлено двусторонним характером диалогического общения, сильной ситуативной зависимостью, употреблением наряду с вербальными невербальных средств передачи информации и выражения эмоций». Вопросно-ответные диалогические единства обладают высокой степенью предсказуемости появления прямых ответных реплик [5. С. 47–48]. Ответные высказывания могут быть представлены десятью типами: *прямые* (содержащих конкретную информацию); *непрямые* (содержащих следствие, которое служит ответом); *полные и неполные* (по объему раскрываемой информации); *соблюдающие предметную область вопроса и не соблюдающие*; *соблюдающие исходное предположение вопроса и не соблюдающие*; *информативные и неинформативные* [16. С. 235].

Прямые ответы, как показывает наш материал, встречаются чаще всего и содержат конкретную информацию, которая необходима собеседнику:

– *What's the time by your watch?*

– *Quarter to eight* (Agatha Christie “The Mystery of the Blue Jar”) [30].

– *Being young's no good. You've got to have S.A.*

– *What is S.A.?*

– *Sex appeal* (Agatha Christie “The Herb of Death”) [30].

– *You have children?*

– *Three sons, two daughters, one expected. And you?*

– *Not yet. Not married* (Francis Dick “The Danger”) [31].

В ассоциативном ответе не представлена точная информация о запрашиваемом событии, факте, субъекте и т.п., предлагаемый ответ неточен. Данный вид ответа «...не имеет ярко выраженной семантической связи с вопросом. Ассоциативные ответы основываются на подтексте, аналогии, опыте собеседников, и в них требуемая информация содержится имплицитно» [7. С. 111].

– *You like Nick a lot, don't you, Nora?*

– *He's an old Greek fool, but I'm used to him* (Hammett Dashiell “The Thin Man”) [32].

Ассоциативные ответы значимы для диалогической речи. Они делают диалог более вариативным, интересным, придают ему динамику, создают определенный эмоциональный фон. Подобные ответы могут способствовать смене темы разговора. Кроме того, они подчеркивают творческий характер диалога. В процессе общения собеседник вынужден обрабатывать косвенную информацию, которая содержалась в ассоциативном ответе. Его партнер, в свою очередь, старается по мере возможностей удовлетворить основное требование к ответу, а именно – быть информативным, не терять логической связи с вопросом и учитывать объективные и субъективные условия, которые удовлетворяют передаче прямой информации. В действительности, в ответной реплике не всегда есть соответствующий запросу семантический аргумент и, соответственно, коммуникация не всегда строится с учетом «принципа сотрудничества» Г.П. Грайса [8. С. 217-237]. Мы разделяем позицию ученого и в качестве примера реализации данного принципа предлагаем следующее диалогическое вопросно-ответное единство:

– *Вы хотели, чтобы ваш сын Андрей стал актером?*

– *Видите ли, актерская жизнь – штука непростая. Я видел много несчастных судеб детей артистов. Моей задачей было открыть сыну мир. Я дал ему все, что мог: он окончил музыкальную школу, занимался теннисом, балетом. Андрей сам никогда не хотел быть актером. Сейчас ему двадцать шесть лет и он является членом московской коллегии адвокатов* (из интервью с актером Николаем Караченцовым // Gala. 2004. № 10) [19].

Преимущество ассоциативных ответов заключается в том, что они являются отражением образного стиля мышления, который выражается в неординарных путях ведения диалога. Ассоциативные ответы встречаются достаточно часто, что, очевидно, связано с интеллектуализацией общения, увеличением тем разговора, а также компрессией содержания бесед. В качестве иллюстраций ассоциативных ответов мы предлагаем следующие примеры:

– *Where is she?*

– *She's dead. She was a good kid, but she's dead, copper. Beat it* (Candler Raymond “Farewell, My Lovely”) [28].

– *Where's Opal?*

– *She's laying down. She's not feeling good* (Hammett Dashiell “The Glass Key”) [32].

– *Where's Mr Lombard?*

– *Gone to test some theory or other. He'll be back in a minute* (Agatha Christie “Ten Little Niggers”), [30].

– *Well, what do you want?*

– *Your car has been stolen* (Chase J.H. “A Lotus For Miss Quon”) [29].

Собеседник, использующий умолчание (уклончивый ответ) [7. С. 110-112], пытается уйти от ответа по причинам различного характера: нежелания отвечать на вопрос (выдавать ту или иную запрашиваемую информацию), желания сменить тему разговора, наличия недостаточной информации по данному вопросу или полного ее отсутствия. В последнем случае возможно использование конструкций типа *I don't know, I haven't the least idea, I know no more than you* и т. п. При характеристике данного вида ответа необходимо обратить внимание на использование различных терминов для обозначения явления, в данном исследовании именуемого как умолчание. Термин *умолчание* (*умалчивание*) встречается в работах В.В. Богданова, который характеризует его как намеренное *не сообщение* какой-либо ожидаемой адресатом информации [4. С. 17]. Базовым элементом умолчания является неопределенность, что позволяет интерпретировать его как «...смысловой пропуск, эллипсис, подтекст, эвфемия, ложь и т.д. При умолчании происходит опосредованная передача информации, базирующейся на семантической неполноте, неопределенности языковой единицы, употребленной на месте ситуативно заменяемой». Семантика умолчания определяется в этом случае как *недосказанность* [20. С. 135]. Языковые единицы типа *I don't know; I don't know that for sure; I have no idea; I haven't the least idea; No idea; I know no more than you; I don't have the foggiest; You've got me there; I haven't got a clue; Don't ask me; Nothing; Absolutely nothing; Who knows; How should I know?* являются доминирующими средствами выражения семантики умолчания. Умолчание важно для развертывания речевого контекста, оно стимулирует интерес собеседника, вынуждая его задавать новые вопросы. Оно может быть выражено встречным вопросом полемического характера с целью поставить собеседника в тупик, уйти от нежелательной темы разговора, прервать беседу, выиграть спор и т. д. Кроме того, умолчание может быть своего рода сигналом для прекращения разговора. Что касается праг-

матических функций, выполняемых умолчанием, то оно способно заинтересовывать, приукрашивать, вводить в заблуждение, создавать условия для творчества и т. п. Умолчание обладает свойствами прагматического характера, а именно: 1) вторичностью средств выражения; 2) распределенностью между различными языковыми средствами (нелокализуемостью в какой-либо одной единице); 3) сплетенностью прагматического значения с семантической информацией [20. С. 137]. При сопоставлении данной классификации ответов с классификацией Е.В. Вохрышевой становится очевидным, что умолчание соответствует сразу двум видам ответа – уклончивому ответу (сознательное несообщение информации) и отсутствию ответа (наличие недостаточной информации или полное ее отсутствие). Мы считаем целесообразным отнести вышеупомянутые виды ответов по Е.В. Вохрышевой (*уклончивый ответ и отсутствие ответа*) к одному виду ответов – *умолчанию*. Не всегда является очевидным, сознательно ли говорящий не сообщает своему собеседнику ту или иную информацию или же он просто не обладает ею, в результате необходимая информация не сообщается и собеседник что-то умалчивает. Так как для умолчания характерна семантическая неполнота, то информация в нем может передаваться опосредованно, например:

- *She is an angel, is she not? From Eden, by way of Sweden...*
- *Poirot, go to the devil!* (Agatha Christie “The ABC Murders”) [30].
- *Where’s the judge?*
- *That’s odd...Thought he came up with us.*
- *So did I...What about it, doctor, you came up the stairs behind me?*
- *I thought he was following me* (Agatha Christie “Ten Little Niggers”) [30].

Следующие примеры иллюстрируют употребления различного рода конструкций, которые являются ядерными средствами выражения семантики умолчания:

- *Paul in?*
- *I don’t know. We just got in* (Hammett Dashiell “The Glass Key”) [32].
- *What can you tell me about the dead girl, Miss Merrion?*
- *Nothing. Absolutely nothing* (Agatha Christie “The ABC Murders”) [30].

Частота употребления данного типа ответа – умолчания – достаточно высока, что, очевидно, связано с тем, что оно помогает стимулировать интерес собеседника, вынуждает его задавать новые вопросы или менять тему разговора.

Последний вид ответа как составляющей диалогического единства – это молчание. Этот вид ответа характеризуется полифункциональностью. Прежде всего, необходимо отметить, что посредством молчания прерывается процесс вербальной коммуникации. Это происходит в том случае, когда один из собеседников предпочитает не поддерживать процесс общения по какой-либо причине. Иногда оба собеседника, обладающих даром речи, предпочитают молчание вербальному общению. Такого рода молчание, по мнению В.В. Богданова, может быть коммуникативно значимым, то есть, может выполнять определенную знаковую функцию в вербальной коммуникации. Интерпретация молчания, безусловно, задача непростая. В некоторых случаях оно может означать отсутствие темы для разговора, в других – просто нежелание общаться. В.В. Богданов причисляет молчание к нулевым речевым актам и полагает, что лингвистическому анализу можно подвергать только коммуникативно значимое молчание [4. С. 15]. Несмотря на атипичность молчания как единицы коммуникации, оно все же находит свои способы воплощения в речи и языке. Однако молчание, в отличие, например, от слова и предложения, не обладает значением вне речевого акта. Коммуникативно значимым будет являться такое молчание, посредством которого может быть передана определенная информация от отправителя к получателю и адекватно расшифрована последним. Очевидно, что молчание как речевой акт многозначно, и его значение может быть определено только условиями конкретного речевого акта:

- *Eh bien, Hastings? Are you sure now that delightful women always speak the truth?*
- *I did not reply* (Agatha Christie “The ABC Murders”) [30].

В отдельных случаях молчание может быть выражено графически, с помощью различных знаков препинания, например, «...», «???», «?!», «!!!»:

– *С чего начнем? С того, как я стал артистом? Мальчик из семьи физиков, маленького роста и невзрачной внешности – вдруг стал артистом? Как? Жил, жил – и стал. Знаете, как в старом анекдоте: «– Как вы стали валютной проституткой? – Чисто повезло».*

- *То есть вам «чисто повезло»? Никаких предпосылок к этому не было?*
- *Мы на «ты» или на «вы»? Я забыл.*

– ???

– *Про предпосылки плохо помню, давно это было. В детстве я любил ерничать, кривлялся много, вот и решил стать артистом. Родители меня не отговаривали, потому что это было бесполезно* (из интервью с актером Андреем Паниным // Я покупаю. 2003. № 3) [21].

– *How do we know this is the lake he was speaking of? It is probably just any lake. What are those Indians saying to him?*

– ...

– *You can't say a word. You take everything on trust. You'll never see a monster. Only a fool would believe in it.*

Mr Beasley said nothing (Bates H.E. "A Comic Actor") [27].

Таким образом, прямой ответ содержит конкретную информацию, которая необходима собеседнику. Ассоциативный ответ связан с интеллектуализацией общения, увеличением тем разговора, а также компрессией содержания разговора. Умолчание стимулирует интерес собеседника, вынуждает задавать новые вопросы или изменить тему разговора. Основной функцией молчания в лингвистических исследованиях является его коммуникативная значимость. Роль молчания в вопросно-ответном диалогическом единстве относится к перспективам исследования, не в рамках предлагаемой статьи. Структура ответа может быть обусловлена структурой вопроса, в свою очередь, вопрос коррелирует с определенной моделью ответа. Актуализация ответа обусловлена условиями коммуникации. В перспективе необходимо обратиться к сопоставительным исследованиям ответа в разноструктурных языках, а также к изучению его функциональных особенностей в разных типах дискурса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Беленький А. «Меня интересуют только три соперника» (Чемпион мира по боксу среди профессионалов в категории до 63,5 кг Константин Цзю) // Спорт-Экспресс. 2004. № 11. С. 8-10.
3. Белнап Н., Стил Т. Логика вопросов и ответов. М.: Прогресс, 1981. 288 с.
4. Богданов В.В. Молчание как нулевой речевой акт и его роль в вербальной коммуникации // Языковое общение и его единицы. Межвуз. сб. науч. тр. Калинин: изд-во Калининского гос. ун-та, 1986. С. 12-18.
5. Бузаров В.В. Круговорот диалогической речи, или взаимодействие грамматики говорящего и грамматики слушающего. Ставрополь: изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2001. 167 с.
6. Волокитина А.И. Коммуникативная структура диалогического СФЕ // Коммуникативно-прагматические функции языковых единиц. Межвуз. сб. Куйбышев: изд-во Куйбышевского ун-та, 1990. С. 49-57.
7. Вохрышева Е.В. Коммуникативно-прагматические типы ответных реплик диалогических единств с идентифицирующим вопросом в новоанглийском языке // Коммуникативно-прагматическое функционирование языковых единиц. Межвуз. сб. Куйбышев: изд-во Куйбышевского ун-та, 1990. С. 109-115.
8. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // НЗЛ. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217-237.
9. Девкин В.Д. Диалог. Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской. М.: Высшая школа, 1981. 160 с.
10. Зернецкий П.В. Единицы речевой деятельности в диалогическом дискурсе // Языковое общение: единицы и регулятивы. Межвуз. сб. науч. тр. Калинин: изд-во Калининского гос. ун-та, 1987. С. 89-95.
11. Крестинский С.В. Коммуникативная нагрузка молчания в диалоге // Личностные аспекты языкового общения. Межвуз. сб. науч. тр. Калинин: изд-во Калинин. ун-та, 1989. – 161 с.
12. Левицкий Ю.А. Проблемы лингвистики текста. Учеб. пособие для студентов вузов. Изд-во: Перм. ун-т. Пермь. 2004. 205 с.
13. Ленерт У. Проблемы вопросно-ответного диалога // НЗЛ. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 258-280.
14. Меликян С.В. Молчание в русском общении. Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж: Изд-во ВГГУ, 2000. С. 47-52.
15. Меликян С.В. Речевой акт молчание в структуре общения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2000. 23 с.
16. Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 272 с.
17. Почепцов Г.Г. Молчание как знак // Анализ знаковых систем. История логики и методологии науки: тез. докл. IX Всесоюз. совещ. Киев: Наук. думка, 1986. 90 с.
18. Пушина Н.И., Маханькова Н.В., Широких Е.А. Коммуникативные неудачи в межкультурной коммуникации: причины, типология, стратегии минимизации // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2015. Т. 25, вып. 6. С. 28-34.

19. Рюмина Е. Николай Караченцов. Рыцарь образа // *Gala*. 2004. № 10. С. 42-43.
20. Сеничкина Е.П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке. М.: МГОУ, 2002. 307 с.
21. Филиппова Т. Андрей Панин: «Мужчина должен быть тщеславным» // *Я покупаю*, 2003, № 3. С. 4-6.
22. Харгистова Э.В. К вопросу о стереотипности и творчестве в диалогических текстах вопросно-ответного типа // *Стилистика и прагматика: тез. докл. науч. конф.* Пермь: изд-во ПГУ, 1997. С. 99-100.
23. Brožek Anna. *Theory of Questions: Erotetics Through the Prism of Its Philosophical Background and Practical Applications*. Amsterdam-NY, Rodopi, 2011. 440 p.
24. Searle John, Kiefer F., Bierwisch M. *Speech Act Theory and Pragmatics*. Springer Science & Business Media. 2012. 320 p.
25. Yule George. *Pragmatics*. Oxford, OUP. 1996. 138 p.
26. Weigand Edda. *Language as dialogue: from rules to principles of probability*. Amsterdam, Philadelphia, USA. John Benjamins Publishing Company, 2009. 410 p.
27. Bates H.E. *A Comic Actor // Modern English Short Stories*. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1963. 559 p.
28. Candler Raymond. *Farewell, My Lovely // Farewell, My Lovely. Stories*. Moscow: Raduga Publishers, 1983. 368 p.
29. Chase J.H. *A Lotus For Miss Quon*. Moscow: Manager, 2003. 224 p.
30. Christie Agatha. *Selected Detective Prose*. Moscow: Raduga Publishers, 1989. 400 p.
31. Dick Francis. *The Danger*. Mass Market Paperback, UK, 1985. 384 p.
32. Hammett Dashiell. *The Glass Key // Hammett Dashiell. Selected Detective Prose*. Moscow: Raduga Publishers, 1985. 485 p.
33. Hammett Dashiell. *The Thin Man // Hammett Dashiell. Selected Detective Prose*. Moscow: Raduga Publishers, 1985. 485 p.
34. Tremain Rose. *A Shooting Season // Contemporary British Stories*. Oxford OX2 6UE, England, Published by Perspective Publicatins Ltd, 1994. P. 154-166.

Поступила в редакцию 18.10.2018

Путина Ольга Николаевна, старший преподаватель
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: onputina@mail.ru

O.N. Putina

FUNCTIONAL MODIFICATIONS AND PRAGMATIC POTENTIAL OF ANSWERS IN A DIALOGIC UNIT

The article deals with the functions of an answer as a component of answer-question dialogic unit. Though there are numerous investigations concerning this issue, we do not have unified consideration about an answer, its concepts and criteria of classification in linguistics. The author defines and summarizes existing approaches concerning answer investigation, describes the interrelation between an answer and a question in the structure of a dialogic unit, considers an answer as an object of linguistics with great functional potential. In the article specific character of an answer in the context is revealed, pragmatic aspects of answer functioning in speech are investigated. The answer typology includes direct answer, associative answer, understatement and silence.

Keywords: answer, question, dialogic unit, direct answer, associative answer, understatement, silence, classification, function.

REFERENCES

1. Bahtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]*. M.: Iskusstvo, 1979. 424 s. (In Russian).
2. Belen'kij A. «Menya interesuyut tol'ko tri sopernika» [“I am interested only in three competitors”]. (CHempion mira po boksu sredi professionalov v kategorii do 63,5 kg Konstantin Czyu) [World champion in boxing among professionals up to 63,5 kg Konstantin Tzyu] // *Sport-EHkspress [Sport-Express]*, 2004, № 11. S. 8-10. (In Russian).
3. Belnap N., Stil T. *Logika voprosov i otvetov [Logic of questions and answers]*. M.: Progress, 1981. 288 s. (In Russian).
4. Bogdanov V.V. *Molchanie kak nulevoj rechevoj akt i ego rol' v verbal'noj kommunikacii [Silence as a zero speech act and its role in verbal communication] // Yazykovoe obschenie i ego edinicy [Communication and its units]*. Mezhevuz. sb. nauch. tr. [Intercollegiate collection of scientific papers]. Kalinin: izd-vo Kalininskogo gos. un-ta, 1986. S. 12-18. (In Russian).

5. Buzarov V.V. Krugovorot dialogicheskoy rechi, ili vzaimodejstvie grammatiki govoryashchego i grammatiki slushayushchego [The turnover of dialogic speech or the interaction of an addresser's and an addressee's grammar]. Stavropol': izd-vo Stavrop. gos un-ta, 2001. 167 s. (In Russian).
6. Voloktina A.I. Kommunikativnaya struktura dialogicheskogo SFE [Communicative structure of a dialogic overphrasal unit] // Kommunikativno-pragmaticheskie funktsii yazykovykh edinits [Communicative and pragmatic functions of language units]. Mezhvuz. sb. [Intercollegiate collection]. Kujbyshev: izd-vo Kujbyshevskogo un-ta, 1990. S. 49-57. (In Russian).
7. Vohrysheva E.V. Kommunikativno-pragmaticheskie tipy otvetnykh replik dialogicheskikh edinstv s identifikatsionnoy voprosom v novoanglijskom yazyke [Communicative and pragmatic types of answers in dialogic units with an identified question in New English] // Kommunikativno-pragmaticheskoe funkcionirovanie yazykovykh edinits [Communicative and pragmatic functions of language units]. Mezhvuz. sb. [Intercollegiate collection]. Kujbyshev: izd-vo Kujbyshevskogo un-ta, 1990. S. 109-115. (In Russian).
8. Grajs G.P. Logika i rechevoe obshchenie [Logic and speech communication] // NZL. [News in foreign linguistics]. Vyp. 16 [Issue 16]. Lingvisticheskaya pragmatika [Linguistic pragmatics]. M.: Progress, 1985. S. 217-237. (In Russian).
9. Devkin V.D. Dialog. Nemeckaya razgovornaya rech' v sopostavlenii s russkoy [German colloquial speech in comparison with Russian]. M.: Vysshaya shkola, 1981. 160 s. (In Russian).
10. Zerneckij P.V. Edinicy rechevoj deyatel'nosti v dialogicheskom diskurse [Units of speech activity in dialogic discourse] // Yazykovoe obshchenie: edinicy i regulyativy [Communication: units and regulations]. Mezhvuz. sb. nauch. tr. [Intercollegiate collection of scientific papers]. Kalinin: izd-vo Kalininskogo gos. un-ta, 1987. S. 89-95. (In Russian).
11. Krestinskij S.V. Kommunikativnaya nagruzka molchaniya v dialoge [Communicative function of silence in dialogues] // Lichnostnye aspekty yazykovogo obshcheniya [Linguistic aspects of communication]. Mezhvuz. sb. nauch. tr. [Intercollegiate collection of scientific papers]. Kalinin: izd-vo Kalinin. un-ta, 1989. – 161 s. (In Russian).
12. Levickij Yu.A. Problemy lingvistiki teksta [Issues of text linguistics]. Ucheb. posobie dlya studentov vuzov [Tutorial for universities]. Izd-vo: Perm. un-t. 2004. Perm'. 205 s. (In Russian).
13. Lenert U. Problemy voprosno-otvetnogo dialoga [Issues of a question-answer dialogue] // NZL [News in foreign linguistics]. Vyp. 23 [Issue 23]. Kognitivnye aspekty yazyka [Cognitive linguistic aspects]. M.: Progress, 1988. S. 258-280. (In Russian).
14. Melikyan S.V. Molchanie v russkom obshchenii [Silence in Russian communication]. Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie [Russian and Finnish communicative policy]. Voronezh: Izd-vo VGTU, 2000. S. 47-52. (In Russian).
15. Melikyan S.V. Rechevoj akt molchanie v strukture obshcheniya [Speech act of silence in communicative structure]. Avtoreferat dis. na soisk. step. kand. filol. nauk [abstract ... cand. philol. sciences]. Voronezh, 2000. 23 s. (In Russian).
16. Paducheva E.V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'yu (referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenij) [Utterance and its relation to reality (referential aspects of pronoun semantics)]. M.: Nauka, 1985. 272 s. (In Russian).
17. Pochepcov G.G. Molchanie kak znak [Silence as a sign] // Analiz znakovykh sistem [Analysis of sign systems]. Istoriya logiki i metodologii nauki [History of logic and methodology of science]: tez. dokl. IX Vsesoyuz. Soveshch [theses of reports at 9th national conference]. Kiev: Nauk. dumka, 1986. – 90 s. (In Russian).
18. Pushina N.I., Mahan'kova N.V., SHirokih E.A. Kommunikativnye neudachi v mezhkul'turnoj kommunikacii: prichiny, tipologiya, strategii minimizacii [Communicative failures in cross-cultural communication: causes, typology, strategies of minimization]. Vestnik Udmurtskogo universiteta [Bulletin of Udmurt University]. Seriya Istoriya i filologiya [Series History and Philology]. 2015. T. 25. № 6. S. 28-34. (In Russian).
19. Ryumina E. Nikolaj Karachencov [Nikolay Karachentcov]. Rycar' obraza [The knight of the image] // Gala [Gala], 2004. № 10, s. 42-43. (In Russian).
20. Senichkina E.P. Semantika umolchaniya i sredstva ee vyrazheniya v russkom yazyke [Semantics of understatement and its means of expression in the Russian language]. M.: MGOU, 2002. 307 s. (In Russian).
21. Filippova T. Andrej Panin [Andrey Panin]: «Muzhchina dolzhen byt' tshcheslavnyy» [“A man must be vainglorious”] // Ya pokupayu [I am a consumer], 2003, № 3. S. 4-6. (In Russian).
22. Hargistova E.H.V. K voprosu o stereotipnosti i tvorchestve v dialogicheskikh tekstah voprosno-otvetnogo tipa [To the issue of stereotypes and creativity in question-answer dialogical texts] // Stilistika i pragmatika [Stylistics and pragmatics]. Tez. dokl. nauch. Konferencii [theses of reports at scientific conferences]. Perm': izd-vo PGU, 1997. S. 99-100. (In Russian).
23. Brożek Anna. Theory of Questions: Erotetics Through the Prism of Its Philosophical Background and Practical Applications. Amsterdam-NY, Rodopi, 2011. 440 p. (In English).
24. Searle John, Kiefer F., Bierwisch M. Speech Act Theory and Pragmatics. Springer Science & Business Media. 2012. 320 p. (In English).
25. Yule George. Pragmatics. Oxford, OUP. 1996. 138 p. (In English).
26. Weigand Edda. Language as dialogue: from rules to principles of probability. Amsterdam, Philadelphia, USA. John Benjamins Publishing Company, 2009. - 410 p. (In English).

27. Bates H.E. A Comic Actor // Modern English Short Stories. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1963. 559 p. (In English).
28. Candler Raymond. Farewell, My Lovely // Farewell, My Lovely. Stories. Moscow: Raduga Publishers, 1983. 368 p. (In English).
29. Chase J.H. A Lotus For Miss Quon. Moscow: Manager, 2003. 224 p. (In English).
30. Christie Agatha. Selected Detective Prose. Moscow: Raduga Publishers, 1989. 400 p. (In English).
31. Dick Francis. The Danger. Mass Market Paperback, UK, 1985. 384 p. (In English).
32. Hammett Dashiell. The Glass Key // Hammett Dashiell. Selected Detective Prose. Moscow: Raduga Publishers, 1985. 485 p. (In English).
33. Hammett Dashiell. The Thin Man // Hammett Dashiell. Selected Detective Prose. Moscow: Raduga Publishers, 1985. 485 p. (In English).
34. Tremain Rose. A Shooting Season // Contemporary British Stories. Oxford OX2 6UE, England, Published by Perspective Publicatins Ltd, 1994, p.p. 154-166. (In English).

Received 18.10.2018

Putina O.N., senior lecturer
Perm State University
Bukireva st., 15, Perm, Russia, 614990
E-mail: onputina@mail.ru